

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Бабенко Л. Г.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –

УДК 811.161.1'37:811.581'37
DOI 10.26170/FK19-01-08
ББК Ш141.12-31+Ш171.1-31
ГСНТИ 16.21.29
КОД ВАК 10.02.19

Цуй Янь
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: –
E-mail: lgbabenko@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДОБРОТА: ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к выявлению специфики национальных картин мира. Предмет данной статьи – лексико-семантическое поле ДОБРОТА в русском и китайском языках. Цель исследования – выявление общего и специфического в формировании структуры этого поля и состава его лексических репрезентаций. В статье приводятся результаты структурно-семантического исследования поля ДОБРОТА в лексико-семантическом пространстве русского и китайского языков. При решении конкретных задач исследования использован комплекс лингвистических методов: статистическое описание, компонентный анализ лексического значения слов данного множества, их дефиниционный и сопоставительный анализ. В статье выявлены и приведены общие и национально-специфические компоненты, присутствующие в семантических комплексах лексико-семантических групп этого поля в двух сопоставляемых языках. Это позволило обнаружить особенности семантизации смысла ДОБРОТА в лексике двух языков и обнаружить как общие, так и различные этнокультурные представления о его репрезентации. Результаты исследования могут быть применены в лингвокультурологических и когнитивных исследованиях, направленных на изучение языковой концептуализации и категоризации эмоций в национальных картинах мира, а также в практике составления двуязычного идеографического словаря.

Ключевые слова: доброта; лексико-семантические поля; компонентный анализ; типология сем; лексико-семантические группы; лексическая семантика; русский язык; китайский язык; сопоставительное языкознание.

Babenko L. G.
Cui Yan
Ekaterinburg, Russia

LEXICAL-SEMANTIC FIELD OF GOODNESS: COMMON AND NATIONAL-SPECIFIC (WITH REFERENCE TO RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

Abstract. The research accords with the interest of modern linguistics in revealing the characteristics of national worldviews. The subject of this article is the lexical-semantic field of GOODNESS in Russian and Chinese languages. The aim of the study is to reveal similarities and differences in the structure of this field and the composition of its lexical representations. The article presents results of the structural-semantic study of the field GOODNESS in the lexical-semantic sphere of Russian and Chinese languages. The research uses a complex of linguistic methods: statistical description, component analysis of lexical meanings of words in this field, definitional and comparative analysis. The article identifies and summarizes common and national-specific components presented in the semantic complexes of the lexical-semantic groups of the field in two compared languages. The research allows us to discover peculiarities of the semantization of the meaning GOODNESS in the vocabulary of two languages and reveal the common and different ethnic-cultural ideas in its representation. The results of the research can be applied in linguistic-cultural and cognitive studies aimed at studying language conceptualization and categorization of emotions in national pictures of the world, as well as in the practice of compiling bilingual ideographic dictionaries.

Keywords: goodness; lexical-semantic fields; component analysis; typology of senses; lexical-semantic groups; lexical semantics; Russian language; Chinese; comparative linguistics.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005)

Acknowledgments: The study was carried out as part of a grant from the Russian Science Foundation (Project № 16-18-02005)

Для цитирования: Бабенко, Л. Г. Лексико-семантическое поле доброты: общее и национально-специфическое (на материале русского и китайского языков) / Л. Г. Бабенко, Цуй Янь // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 58–66. DOI 10.26170/fk19-01-08.

Проблемы, связанные с изучением механизма отображения мира действительности и закрепления результатов его познания в формах языковой картины мира (далее – ЯКМ), являются актуальными и дискуссионными в современной лингвистике до сих пор, хотя в различные годы актуализируются разные аспекты их изучения. В последнее время особую значимость приобрело изучение национальных языковых картин мира, их соотносительности между собой, а также углубленное исследование отдельных фрагментов в структуре национальных ЯКМ. К числу активно изучаемых относятся и проблемы, связанные с мировоззренческими, психологическими, этическими представлениями, такими как ИСТИНА, ПРАВДА, ЛОЖЬ, СУДЬБА. В подобном ряду общечеловеческих представлений находится и категория ДОБРО, которая рассматривается в свете самых разных научных подходов: культурологического [Кармин 2009], когнитивного [Апресян 1995], дискурсивного [Гагарина 2007], системно-парадигматического [Эпштейн 2007] и других [см. Тоан 2008; Маленкова 2004; Батуева 2008]. Эта категория является сложным когнитивным конструктом, включающим компоненты, относящиеся к разным частным категориями: аксиологическим, этическим, эмоциональным. Одним из значимых ее базовых компонентов является частная категория ДОБРОТА, которая входит в парадигму ключевых эмотивных представлений, отображающих и характеризующих внутренний мир человека как в русском, так и в китайском языках.

Цель исследования – выявление общих закономерностей и специфических особенностей репрезентации категории ДОБРОТА в русском и китайском языках, предмет исследования – структурно-семантическая организация лексико-семантического поля ДОБРОТА, которое рассматривается в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах.

Семантическое поле как категория лингвистики стало предметом активной научной разработки в русистике во второй трети XX в., при этом в центре внимания ученых были вопросы, связанные с определением статуса этой категории, ее структурной организации, природы составляющих ее единиц, границ этой категории и межкатегориальных семантических связей различных семантических полей (Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелев и др.). Плодотворными оказались исследования, связанные с выявлением в лексико-семантическом пространстве языка лексических парадигм разного объема и статуса: лексико-семантических полей (далее – ЛСП), лексико-семантических классов слов (далее – ЛСК), лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) и подгрупп. Были определены их семантическая и структурная организации, природа составляющих их единиц, границ этих множеств, их самостоятельности, отдельности, а также соотносительности и пересека-

For citation: Babenko, L. G. Lexical-semantic Field of Goodness: Common and National-specific (with Reference to Russian and Chinese Languages) / L. G. Babenko, Cui Yan // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 58–66. DOI 10.26170/fk19-01-08.

емости между собой. К настоящему времени сделано достаточно много как в сфере теоретической разработки лексикографического представления системной организации лексики в составе различных семантических полей, так и в сфере практического воплощения этих представлений в виде различных словарей: семантических, понятийных, идеографических, словарей-тезаурусов. Это в свою очередь активизировало изучение национальных языковых картин мира с опорой на данные подобных словарей, являющихся фундаментальной базой для контрастивных исследований.

Лексико-семантическое поле представляет собой структурно организованное множество слов одной денотативной отнесенности, что позволяет рассматривать его как компонент языковой картины мира, который представляет собой «лексико-семантические группировки, структуры конкретного языка с учётом его культурного и национального своеобразия» [Уфимцева 1988: 13]. Именно структурно-семантическое изучение лексики, получившее бурное развитие в семидесятые-восемидесятые годы двадцатого века, позволило перейти к лингвистически обоснованному исследованию национальных языковых картин мира, так как в процессе структурирования лексики выявляются связи между группировками слов разного ранга и отображаемой ими действительностью, обнаруживаются особенности языкового сознания и национально-специфические особенности в познании мира. Позднее в процессе изучения лексико-семантических пространств языка в русле антропологической лингвистики актуализировался человеческий фактор в осмыслении природы взаимодействия языка, действительности и сознания, что особенно подчеркивал В. Н. Солнцев, который заметил, что «язык не отражает мир, а выражает знания о мире» [Солнцев 1989: 60]. В приведенном высказывании отображена сущность когнитивного подхода к рассмотрению проблемы соотносительности действительности, языка и сознания человека, подчеркнута роль именно человеческого фактора в познании мира и закреплении полученных знаний в языке, что нашло дальнейшее развитие при изучении классов слов, основанном на когнитивном рассмотрении. Так, в концепции Фоконье также утверждается, что связь между языком и миром всегда опосредована человеческим мышлением, так как то, что мы привычно именуем «действительностью», на самом деле является мысленным представлением говорящего о действительности [Fauconnier 1994: 15].

Итак, задача выявления общих тенденций и специфических особенностей в формировании лексико-семантического поля ДОБРОТА в русском и китайском языках решается на основе принципа полипарадигмальности, характерного для современного этапа развития лингвистики, т. е. на комплексе методов и приемов, свойственных структурно-семантическому,

когнитивно-дискурсивному и лингвокультурологическому подходам к изучению языка и речи.

Особую значимость при этом имеют структурно-сематические методы исследования материала. Как известно, семантическое поле иерархически организовано, элементы в нем связаны между собой структурными отношениями. В зависимости от идентифицированных признаков в семантическом поле выделяются разные лексико-семантические группы, каждая из них имеет собственную лексическую семантику и соответственно характеризуется собственным семантическим комплексом, который «реконструируется на основе отвлечения, сопоставления и обобщения семантических признаков, входящих в этот класс слов, является исходным для восстановления семантической структуры слов данного класса...» [Копорская 1996: 113]. Семантический комплекс отдельной ЛСГ включает в свой состав совокупность, состоящую из категориально-лексической семы (далее – КЛС) и дифференциальных сем (ДС), свойственных всем лексемам данной ЛСГ слов. Эти фундаментальные положения определили в данной работе логику и модель анализа материала, которая включает следующие этапы: 1) выявление внешней структурной организации лексико-семантических полей ДОБРОТА в русском и китайском языках: лексико-семантических групп и связывающих их отношений; 2) описание лексического состава и внутренней структурной организации каждой ЛСГ; 3) анализ семной структуры лексем лексико-семантического поля ДОБРОТА в каждом языке; 4) выявление семантических комплексов, свойственных каждой ЛСГ в составе поля; 5) обнаружение общих тенденций и специфических особенностей в лексической репрезентации категории ДОБРОТА в двух языках.

В процессе исследования также использовался комплекс частных лингвистических методов исследования материала: статистическое описание, компонентный анализ, дефиниционный анализ, сопоставительный анализ и др.

Как показал анализ, в исследуемое поле в русском и китайском языках входят лексемы разных категориально-грамматических классов: существительные, прилагательные, глаголы, – которые объединяются на основе общего семантического компонента ‘доброта’, имеющегося в структуре их лексических значений. Материалом исследования стала русская и китайская лексика поля ДОБРОТА, выявленная из следующих словарей: Большой академический словарь русского языка [БАСРЯ 2006], Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова [БТСРЯ 2000], Большой толковый словарь русских существительных под ред. Л. Г. Бабенко [БТСРС 2008], Большой толковый словарь русских глаголов под ред. Л. Г. Бабенко [БТСРГ 2008], Словарь-тезаурус прилагательных русского языка под ред. Л. Г. Бабенко [СТПРЯ 2012]. При выделении лексики в китайском языке мы опирались на Большой словарь современного китайского языка под ред. Гун Сюэшэн [БССКЯ 2015], Современный словарь китайского языка под ред. Лю Шуньхуань и Динь Шэньшун [ССКЯ 2012].

В результате исследования материала обнаружено, что в русском языке лексико-семантическое поле ДО-

БРОТА составляют 89 слов, а в китайском – 121 слово. Статистическое описание показывает, что лексическое воплощение доброты в китайском языке богаче, чем в русском. Как показало статистическое описание, количество лексических единиц различной грамматической природы: существительных, прилагательных, глаголов – различается по частотности в разных языках, что уже на этапе статистики обнаруживает определенные национальные приоритеты в отображении доброты. В китайском языке основные места занимают имена существительные, которые составляют 49 % от общего числа лексики доброты и намного превосходят количество прилагательных (30 %) и глаголов (21 %). В русском языке семантическое поле ДОБРОТА в основном состоит из совокупности имен существительных (45 %) и прилагательных (42 %), которые вместе намного превосходят число глаголов (13 %).

В результате структурно-семантического анализа установлено, что состав классов существительных, отображающих доброту, в двух языках характеризуется неполным совпадением. Наблюдается асимметрия в наборе лексико-семантических групп с семантикой доброты, разграничиваемых с учетом категориально-лексических сем (далее – КЛС): в русском языке 4 ЛСГ существительных, а в китайском языке – 7 ЛСГ существительных. Таким образом, только 4 ЛСГ являются общими для двух языков: ЛСГ качество доброты, ЛСГ доброжелательное отношение к окружающим, ЛСГ слов, обозначающих человека как носителя доброты, ЛСГ слов, обозначающих действие, характеризующееся добротой. С учетом частотности ЛСГ в составе существительных иерархия совпадающих типов ЛСГ выглядит следующим образом (см. табл.).

Таблица

ЛСГ существительных	Русский язык	Китайский язык
Качество доброты	38 %	24 %
Доброжелательное отношение к другим	32 %	8 %
Человек как носитель доброты	25 %	34 %
Действие, характеризующееся добротой	5 %	17 %

Как видим, эти четыре ЛСГ существительных с семантикой доброты совпадают в двух языках, но их количественная соотносительность различна. Для русского языка основными являются ЛСГ «Качество доброты» и «Доброжелательное отношение к другим», которые составляют 70 % от общего числа существительных, а в китайском языке основные места занимают ЛСГ «Человек как носитель доброты» и «Качество доброты», составляя 58 % от общего числа существительных. Для русского языка незначительной по составу является ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой», а для китайского языка количественное наполнение этой ЛСГ является достаточным, в три раза превышающей в процентном отношении аналогичную ЛСГ в русском языке. И, наоборот, малочисленной для китайского

языка является ЛСГ «Доброжелательное отношение к другим», которая имеет большую значимость в русском языке.

Исследование семантических комплексов отдельных ЛСГ, семных структур составляющих их слов и их лексических репрезентаций в словарных дефинициях позволило выявить лексико-семантические особенности репрезентации ДОБРОТЫ в разных языках. Так, ЛСГ русских существительных «Качество доброты» имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС «качество характера» и набора дифференциальных сем: «определимость», «отсутствие злобы», «объект проявления доброго отношения», «поступок» и «причина», которые выражают определительные, объектные и причинные значения. Качество доброты чаще всего проявляется в межличностных отношениях человека. Например, **мягкосердечие** «качество характера, проявляющееся в отзывчивости, душевной мягкости, в тёплом расположении к людям, отсутствии злобы и неприязни в отношениях» [БТСРС 2008: 198]. Анализ репрезентантов определительной семы в семной структуре существительных позволил уточнить комплекс эмоциональных качеств, которые, по данным словарей, сопутствуют основному качеству доброты в семантике слов этой группы: отзывчивость, приветливость, мягкость, доброжелательность, искренность, снисхождение, щедрость, уступчивость, снисходительность. Кроме того, типичное поведение, в котором проявляется доброта, представляет собой «оказание помощи», что отражено в семантике слова **милосердие**. При наличии эмоционально-причинной дифференциальной семы в семной структуре лексики этой группы передаются причинно-следственные отношения в свернутом виде, например: **милосердие** «качество характера, проявляющееся в готовности оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия» [БТСРС 2008: 198]. В семантике этого слова фиксируется ситуация, когда доброе эмоциональное качество (сострадание, человеколюбие) является причиной проявления соответствующего отношения субъекта к другим (снисхождение).

В китайском языке качество доброты в субстантивной лексике также отличается комплексностью семантики, в которой совмещаются различные эмоциональные и этические качества, сопрягаемые по тональности с добротой: справедливость, честность, искренность, великодушие, кротость, сострадание, отзывчивость. Например, **善心** «доброе сердце, заключающееся в отзывчивости, в сострадательном отношении к кому-л.». При этом в китайском языке существительные ЛСГ «Качество доброты» включают в свою семантику специфические дифференциальные компоненты, обозначающие конкретный субъект, а также природность и степень узнаваемости этого качества. Например, **懿德** «кроткое, добродетельное и доброе качество женщины»; **天良** «доброе, сострадательное качество, данное от природы»; **阴德** «доброе качество, не узнаваемое людьми».

ЛСГ «Доброжелательное отношение к окружающим» включает в русском и китайском языках слова, обозначающие проявление доброты. В русском языке в ее семантический комплекс входят КЛС «отношение» и ДС: «определимость», «объект», «поступок», «причина». Сема «определимость» в словар-

ной дефиниции обычно репрезентируется формами эмотивных существительных и прилагательных и обозначает чувства, сопрягаемые с добротой: *расположение, тяготение, сердечность, сочувствие, любовь и великодушие*. Например, **симпатия** «благожелательное отношение к кому-л., чему-л., чувство влечения, внутреннего тяготения, расположения к кому-л., чему-л.» [БТСРС 2008: 207]. Объектом проявления отношения выступает неопределенное лицо или группа людей. Сема «поступок» в словарной дефиниции лексики данной группы репрезентируется глаголом «помочь». Например, **участие** «сердечное отношение, сочувствие к кому-л., находящемуся в трудных обстоятельствах, желание помочь кому-л.» [БТСРС 2008: 208].

В китайском языке при отображении доброго отношения к другим также выражаются комплексные эмоции: *доброжелательство, дружелюбие, кротость, великодушие, забота, отзывчивость, близость, почтительность*. Например, **好脸** «доброжелательное, дружелюбное, кроткое отношение к кому-л.». Китайские существительные данной группы при этом имеют в своем значении указание на конкретный субъект, обозначающий старшее поколение, и объект, конкретно называющий младшее поколение, родителей, старших родственников. Например, **慈爱** «великодушное, милосердное отношение старших к младшим, чувство любви, заботливости к ним»; **孝心** «почтительное отношение к родителям и старшим родственникам, склонность содержать и ухаживать за ними». Итак, в китайском языке в семантике слов ЛСГ «Доброжелательное отношение к другим» субъект проявления эмоций и объект, на который направлены эмоции, более конкретно репрезентируются с указанием представителей определенного поколения.

Слова, относящиеся к ЛСГ «Человек как носитель доброты», характеризуют человека как воплощение добра в 3 ипостасях: доброта как внутреннее качество человека, доброта в межличностных отношениях и в поведении человека. Например, **добряк** «бесхитрый человек, отличающийся большой добротой» [БТСРС 2008: 216]; **доброжелатель** «человек, проявляющий участие, расположение, желающий добра кому-л., чему-л.» [БТСРС 2008: 216]; **альтруист** «человек, стремящийся в своих действиях проявлять милосердие, доброту, бескорыстно заботящийся о благе других и готовый жертвовать для других своими личными интересами» [БТСРС 2008: 215]. Как видим, в данных дефинициях различаются лексические репрезентанты, характеризующие указанные выше аспекты: «человек, отличающийся добротой», человек, проявляющий участие, заботящийся о других и готовый жертвовать для других». В русском языке семантический комплекс данной группы включает в состав: КЛС «человек» и ДС «определимость», «оценка», «интенсивность», «проявление эмоций», «объект», «поступок», «цель».

В китайском языке в семантике слов, называющих человека как носителя доброты, выявляются следующие качества, совмещенные с добротой: *честность, справедливость, преданность, великодушие, отзывчивость, сострадание, человеколюбие, кротость, почтительность, мудрость, талантливость, бесхитрость и нравственность*. При этом наблюдаются различные модели совмещения доброты с другими психолого-интеллектуальными качествами человека: 1) этические качества

характера, близкие по тональности к качеству доброты: *честность + справедливость + доброта* (好人); 2) сопутствующие эмоциональные качества: *сострадание + доброта* (善人); 3) интеллектуальные качества: *мудрость + добродетель* (贤良); 4) моральные качества: *мораль + доброта + великодушие + отзывчивость + честность + справедливость* (仁人志士). Данные модели не изолированы друг от друга, а тесно взаимодействуют, присутствуя в семной структуре анализируемой лексики. В китайском языке лексические репрезентанты семы «субъект» обычно не отличаются обобщенностью номинации человека, обозначая его с актуализацией конкретных признаков: возрастных, половых, родственных и пр.: женщина, сын, дочь, потомки, бедные и родители. Например, 闺秀 ‘добрая, великодушная, кроткая, талантливая, добродетельная женщина’, 孝子 ‘сын, ухаживающий за родителями и с почтением относящийся к ним’, 善类 ‘добрые люди’, 慈善家 ‘человек, который занимается благотворительной деятельностью, сердечно оказывает помощь бедным’. Таким образом, ЛСГ «Человек как носитель доброты» в китайском языке отличается комплексностью семантики составляющих ее лексем, передающих это качество более содержательно, в сопряжении с другими эмоциональными, интеллектуальными и этическими качествами. Субъектная сема в словарных дефинициях лексем этой ЛСГ репрезентируется достаточно разнообразно, обозначая более конкретно человека с указанием на различительные признаки.

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой» в русском языке является небольшой, занимает незначительное место в отображении доброты и включает слова, обозначающие поведение: **благотворительность** ‘оказание безвозмездной помощи нуждающимся лицам’ [БТСРС 2008: 673] и **альтруизм** ‘самопожертвование для блага других’ [БТСРС 2008: 720]. В ее семантический комплекс входят КЛС «поведение» и ДС «определительность», «объект» и «цель». В отличие от русского языка аналогичная группа в китайском языке имеет глубокую лексическую и семантическую разработанность, что проявляется и в семной структуре составляющих ее слов. Так, семантические признаки определительного аспекта наделяют поведение и поступки такими качествами, близкими по тональности к доброте, как *великодушный, милосердный, хороший, прекрасный, гуманный*. Например, 善事 ‘доброе дело’, 善举 ‘милосердный поступок’. Доброта также отображается в поведении, проявляемом по отношению к нуждающимся людям: оказании помощи несчастным, уходе за родителями и проявлении почтения к ним. Например, 慈善事业 ‘деятельность по оказанию материальной помощи несчастным, руководствующаяся принципом милосердия’, 孝行 ‘поведение, заключающееся в уходе за родителями и старшими родственниками’. Сходство лексем анализируемой ЛСГ в русском и китайском языках обнаруживается в осмыслении доброго действия как поведения, поступка, направленного на оказание материальной помощи нуждающимся лицам, при этом в русском языке оно отображается и интерпретируется как самопожертвование, а в китайском языке его типичным проявлением является уход за родителями, старшими, больными.

Кроме вышеуказанных ЛСГ, общих для структуры лексико-семантического поля ДОБРОТА обоих языков, в структуре этого поля в китайском языке еще имеются три специфические для его национальной языковой картины мира ЛСГ существительных:

1. ЛСГ «Речь, характеризующаяся добротой». Существительные этой группы характеризуют речь в 3 аспектах: совпадение содержания речи с нормами добра (良心话 ‘речь, соответствующая справедливости и этическим нормам добра и зла’), выражение доброжелательности в речи (好言好语 ‘слова, речь, выражающие доброжелательность, дружелюбие и кротость’) и положительное воздействие речи (善言 ‘добрые и полезные слова’).

2. ЛСГ «Воздействие добра». В значении слов этой группы передаются причинно-следственные отношения: добрые дела являются причиной получения хорошего результата (善果 ‘воздаяние за бывшие добрые поступки’).

3. ЛСГ «Доброе выражение лица». Доброта в данной группе отображается как комплексное эмоциональное переживание в выражении лица (慈眉善目 ‘доброе выражение лица, выражающее приветливость, кротость, великодушие и любовь’).

Итак, в субстантивной лексике двух языков доброта в основном изображается в 3 аспектах: как качество характера человека, как компонент межличностных отношений и как поведение человека. При этом доброта обычно в семантике слов выражается в комплексе с другими качествами и эмоциональными отношениями. В китайском языке доброта изображается в сопряжении с речевой деятельностью, социальной деятельностью и проявляется внешне в выражении лица. Кроме того, в семантике китайских существительных обычно имеется указание на субъект (женщина, сын, дочь, потомки и др.) и объект (родители, старшие родственники) доброго отношения. В семантике русских существительных доброта также совмещается с другими эмоциональными качествами, при этом преимущественно передаются эмотивно-причинные отношения.

Парадигматические группировки прилагательных с семантикой доброты, извлеченные из словаря, поражают неопределенностью, размытостью параметров обозначения признака доброты [Бабенко 1989: 67]. Адъективная лексика доброты фиксируется в словаре таким образом, что одно прилагательное может располагать комбинацией значений, передающих доброту по-разному: как эмоциональное качество, как отношение и как внешнее выражение эмоций. Например, **добросердечный** 1. ‘обладающий добрым сердцем, отзывчивостью, мягким характером’; 2. ‘выражающий добросердечие, исполненный добросердечия’ [БАСРЯ 2006: 159]. Вследствие этого, одно и то же прилагательное может относиться к разным лексико-семантическим группам.

Классы прилагательных в лексико-семантическом поле ДОБРОТА в двух языках характеризуются однородностью состава: в обоих языках выделяются 3 лексико-семантические группы, которые при этом различаются в количественном отношении. Русская адъективная лексика доброты в основном состоит из ЛСГ прилагательных «Качество доброты» (54 %) и «Доброе отношение к другим» (46 %). В классе китайских прилагательных с семантикой доброты первое место так-

же занимает ЛСГ «Качество доброты» (70 %), она значительно превосходит в процентном отношении ЛСГ «Доброе отношение к другим» (30 %). По нашим данным, ЛСГ «Внешнее выражение доброты» по составу лексических репрезентаций пересекается с другими двумя группами и по количественной представленности примерно совпадает в обоих языках. Как видим, структура класса прилагательных, отображающих доброту, в двух языках совпадает, но иерархия ЛСГ в составе данного класса различна.

ЛСГ прилагательных «Качество доброты» включает слова, которые называют как доброе качество человека, так и признак объекта, связанный с добротой. Например, **милосердный** 'сострадающий, склонный к милосердию // совершенный из побуждений милосердия, вызванный милосердием' (милосердный человек, милосердный поступок) [ТСУ 2000: 213]. В русском языке ее семантический комплекс состоит из КЛС «обладающий качеством доброты» и ДС «определимость», «поступок», «образ действия», «объект». Большинство прилагательных данной группы имеют комплексную семантику с включенной эмотивно-определимой семой, в которой доброта сочетается с другими близкими по тональности дополнительными качествами. Например, **незловивый**: *кротость + простодушие + доброта*; **добродетельный**: *высоко нравственность + доброта*. В значении прилагательных также фиксируется типичное поведение, отображающее доброту, например, **добрый** 'делающий добро другим, готовый помочь людям' [ТСУ 2000: 727]; альтруистический 'заботящийся о благе других' [ТСУ 2000: 31].

В китайском языке семантический комплекс ЛСГ прилагательных «Качество доброты» включает специфический компонент «интенсивность», выражающий сильную степень определяемого признака, например, **至善** 'крайне добрый'. Прилагательное, содержащее данный компонент в семантике, не нуждается в конкретизации наречием при составлении высказывания. В комплексной семантике китайских прилагательных этой группы совмещаются качество доброты и такие противоположные по тональности признаки внешности, как *безжалостный, злобный, коварный*, например, **面恶心善** 'имеющий злобное лицо, но доброе сердце'. Анализ репрезентантов компонента «поступок» позволил выявить следующее типичное поведение, которое рассматривается как доброе носителями китайского языка – 'правильно, разумно говорящий и работающий' (贤惠), 'не обманывающий' (良实), 'прощающий других' (仁恕), 'не способный сердиться' (绵善).

ЛСГ «Доброе отношение к другим» включает прилагательные, обозначающие проявление добрых эмоций к окружающим. В русском языке в ней имеется следующий семантический комплекс: КЛС «проявляющий отношение» и ДС «определимость», «объект», «поступок», «субъект». Например, **доброжелательный** 'проявляющий доброе отношение, расположение к кому-л., чему-л., готовый содействовать благополучию кого-л.' [ТСУ 2000]. Анализ репрезентантов дифференциальных сем «определимость» и «поступок» позволил обнаружить при проявлении доброго отношения к другим сопутствующие эмоции (*расположение, дружелюбие, милость, отзывчивость, приветливость, радушие, приязнь,*

искренность) – и поступки: доброжелательный 'содействующий благополучию другого' [ОШ 2008: 169], участливый 'готовый оказать помощь' [ТСУ 2000: 1035]. Русское прилагательное **дружественный** также включает в значение указание на специфический субъект – государство, который репрезентируется специализированной формой в словарной дефиниции: «о + номинация субъекта в предложном падеже», заключающейся в скобки. Например, **дружественный** 'взаимно благожелательный, основанный на дружбе (преимущ. о государствах и отношениях между ними)' [ТСУ 2000: 804].

Китайское прилагательное, относящееся к ЛСГ «Доброе отношение к другим», включает в значение компонент «интенсивность», обозначающий сильную степень проявляемого отношения, например, **至孝** 'благоговейно-почтительный к родителям'. В семной структуре этих прилагательных есть указание на сопутствующие поступки при проявлении доброго отношения: **古道热肠** 'сердечно помогающий другим', 'с почтением ухаживающий за родителями и старшими родственниками' (**孝顺** почтительный и послушный родителям).

ЛСГ «Внешнее выражение доброты» в большей степени пересекается с вышеуказанными двумя группами, и в ней прилагательные обозначают выражение добрых эмоций в речи, мимике и др. Например, **доброжелательный** 'выражающий участие, расположение' (доброжелательная улыбка) [БАС 2006: 157], **慈善** 'выражающий доброту и отзывчивость' (慈善的面容 добросердечное выражение лица).

Таким образом, в адъективной лексике двух языков доброта изображается как качество характера человека, как внутреннее эмоциональное состояние и как его внешнее выражение. В значении прилагательных с семантикой доброты отражается комплекс качеств, включающий в себя доброту и другие дополнительные близкие по тональности эмоциональные качества. В китайском языке такой комплекс качеств бывает более содержательным: наблюдается совмещение качества доброты с интеллектуальными качествами, противоположными по тональности признаками внешности. В семной структуре русских прилагательных участвует специальный компонент – субъект, а в китайских прилагательных участвует конкретизирующий компонент – интенсивность.

В отличие от существительных, глагол обозначает доброту как сложный процессуальный признак. Это обусловлено тем, что глагол ориентирован на отображение в большой степени комплексной ситуации и включают в значение указание на объект действия, образ, способ, следствие, цель и причину выполнения действия [Бабенко 1997: 30]. Глагол как семантически богатая категория располагает большими возможностями для изображения ДОБРОТЫ в разнообразных ракурсах. В зависимости от категориально-лексических сем глаголы в лексико-семантическом поле ДОБРОТА распределяются по 6 ЛСГ, среди них 5 ЛСГ являются общими для обоих языков:

- ЛСГ «Совершение добра»: *благотворить, 行善 'совершать добрые дела'*;
- ЛСГ «Становление качества доброты»: *добреть, 向善 'становиться добрым'*;

- ЛСГ «Проявление добрых чувств по отношению к другим»: жалеть, 善待 'добродушно относиться к кому-л.';
- ЛСГ «Побуждение к добру»: мирить, 劝善 'убеждать других стать добрыми';
- ЛСГ «Оказание помощи»: выручать, 济世 'спасать и помогать миру'.

В русском языке еще выделяется специфическая ЛСГ «Пребывание в добром эмоциональном состоянии» (благодушествовать), в китайском языке есть специфическая ЛСГ «Уход за родителями» (孝顺 'содержать и ухаживать за родителями').

Семантический комплекс русских глаголов с семантикой доброты формируют 6 КЛС: «поступать», «становиться», «относиться», «побуждать», «помогать», «испытывать чувства» и 6 ДС: «собственно-определяющая», «объект действия», «образ действия», «причина», «способ действия», «следствие».

С учётом механизма репрезентации комплекса категориальных смыслов в семной структуре исследуемые глаголы распределяются по двум типам. Во-первых, это глаголы с совмещенной пропозицией, в семной структуре которых «соединяются позиционно равноправные и семантически различные категориально-лексические семы» [Бабенко 1997: 38]. Например, в значении глагола *добреть* имеется два совмещенных предиката: 'становится добрым' и 'помочь', они обозначают процессы, которые «происходят одновременно, взаимосвязаны отношениями дополнительности» [Бабенко 1997: 39]. Во-вторых, это глаголы с включенной пропозицией, в лексическом значении которых «основной предикат в статусе КЛС передается в форме инфинитива, а включенный дополнительный предикат в статусе ДС передается в форме деепричастия, причастия, инфинитива и различных предложно-падежных форм существительных, причём они связаны логическими отношениями цели, причины, следствия и образа действия» [Бабенко 1997: 42]. Например, в значении глагола *благодушествовать* основное действие – 'находиться в добродушном настроении' конкретизируется дополнительным действием 'проводя время без дела и забот' [БТСРГ 2008: 412].

Китайские глаголы с семантикой доброты тоже имеют комплексную семантику. Например, глагол 迁善 'исправляться и становиться добрым, великодушным, бесхитростным', в значении которого имеются два совмещенных равноправных предиката (исправляться и становиться добрым), которые связаны отношениями логической и временной последовательности. Глаголы с включенной пропозицией представлены в китайском языке в большей степени. В семной структуре глагола включенный предикат в статусе ДС уточняет основной предикат в статусе КЛС в следующих аспектах: образ действия ('отдавая все силы' 尽孝), следствие ('становиться добрым' 劝善), способ ('воздействовать словами и поведением' 感化), причина ('из-за милосердия' 仁恕) и цель ('чтобы накапливать добродетели' 积德).

Для китайских глаголов также специфическим является включение в их значение следующих дифференциальных семантических признаков: ДС интенсивность, ДС количество, ДС частотность. Например, 尽孝 'всеми силами ухаживать за родителями', 日行一善

'каждый день совершать доброе дело по одному', 积德 'часть, побольше совершать добрые дела, чтобы накапливать добродетели'. В китайских глаголах компонент «объект действия» богаче репрезентируется и обозначает различные группы лиц, такие как *слабые, бедные, родители, старшие родственники, братья*, на которых направлены добродушное отношение и помощь. Это могут быть также и *мир* в целом, и *родина*.

Итак, в глагольной лексике двух языков доброта отображается в разнообразных ракурсах, передается как действие, становление качества, так и проявление отношения. В русском языке доброта еще изображается как пребывание в добродушном настроении, а в китайском языке доброта может проявляться в уходе за родителями. Большинство глаголов с семантикой доброты ориентированы на отображение комплекса ситуаций, которые связаны отношениями одновременности и дополнительности. В китайском языке в комплексной семантике глаголов отображаются ситуации, связанные отношениями логической и временной последовательности. В нее тоже включаются специфические признаки, выражающие сильную степень и частотность выполнения доброго действия. Объектом действия в словарной дефиниции могут быть репрезентанты, которые обозначают не просто неопределенное лицо, но и конкретные номинации с указанием на родственные связи.

Выводы. Итак, согласно полученным количественным данным, лексическое воплощение доброты в китайском языке богаче, чем в русском языке. В китайском языке основное место в лексико-семантическом поле ДОБРОТА занимают имена существительные (49 %), которые намного превосходят количество прилагательных (30 %) и глаголов (21 %). В русском языке аналогичное поле состоит из совокупности имен существительных (45 %) и прилагательных (42 %), которые вместе намного превосходят число глаголов (13 %). Набор ЛСГ в составе различных частеречных множеств также характеризуется неполным совпадением, которое дополняется их различием в количественной представленности в разных языках. Например, в классе существительных наблюдается асимметрия в наборе ЛСГ с семантикой доброты: в русском языке 4 ЛСГ, а в китайском языке – 7 ЛСГ, только 4 ЛСГ являются общими для двух языков: ЛСГ качество доброты; ЛСГ доброжелательное отношение к окружающим; ЛСГ слов, обозначающих человека как носителя доброты; ЛСГ слов, обозначающих действие, характеризующееся добротой. В китайском языке еще имеются три специфические для его национальной языковой картины мира ЛСГ существительных: ЛСГ «Речь, характеризующаяся добротой», ЛСГ «Воздействие добра»; ЛСГ «Доброе выражение лица». Национально-культурные приоритеты обнаруживаются также в наборе ЛСГ доброты в классах глаголов и прилагательных.

В обоих языках большинство слов данного поля имеют комплексную семантику, выражающую различные сопрягаемые с добротой качества человека, сопутствующие эмоции и поступки. В китайской субстантивной и глагольной лексике ДОБРОТА изображается во взаимодействии с речевой деятельностью, проявляется в выражении лица, обнаруживается в социаль-

ной деятельности и уходе за родителями. В семантике китайских слов доброта совмещается не только с близкими по тональности качествами, но и с противоречащими ей признаками внешности: злобой, злостью, жестокостью (面恶心善). В русском языке ДОБРОТА чаще изображается как бытийное эмоциональное состояние и качество, сопрягаемое с эмоциями, близкими по тональности качеству доброты.

Китайские слова также включают в свое значение такие специфические конкретизирующие компоненты, как компонент «интенсивность», выражающий сильную степень определяемого признака, например, 至善 ‘крайне добрый’. 尽孝 ‘всеми силами ухаживать за родителями’, а также дифференциальные семы «субъект» и «объект», которые в дефинициях китайских слов активно и разнообразно репрезентируются не только обобщенными и неопределенными номи-

нациями лиц, а указывают на пол, возраст, принадлежность определенному поколению, на родственные отношения и другие конкретные признаки лиц. В русском языке в семной структуре слов активно присутствует эмотивно-причинный компонент, с помощью которого основной смысл – доброта выступает причиной поведения, поступка или проявления определенного отношения к другим, что передается в свернутом виде одним словом. В русском и китайском языках обнаруживается осмысление доброты как действия, поведения, поступка, направленного на оказание материальной помощи нуждающимся лицам, при этом в русском языке оно отображается и интерпретируется как самопожертвование, а в китайском языке его типичным проявлением является уход за родителями, старшими, больными, бедными и другими нуждающимися.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1995. – № 1. – С. 37–67.
- Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Из-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
- Бабенко Л. Г. Лексико-семантическое пространство русского глагола // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1997. – С. 30–45.
- Батуева А. А. Мифологема добра и зла в индоевропейских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Батуева Алёна Александровна. – М., 2008. – 178 с.
- Большой академический словарь русского языка. – СПб.: Наука, 2006.
- Большой словарь современного китайского языка / под ред. Гун Сюешэн. – Пекин, 2015. – 2012 с.
- Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 576 с.
- Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 864 с.
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Гагарина Н. Н. Композиты с начальным благо- и зло- в «Сказка» М. Е. Салтыкова-Щедрина: сопоставительная характеристика [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: www.relga.ru/Enviro/Objects/tguwww.woa/wa/Main?textid=2063&level1=main&level2=articles (дата обращения: 11.10.2017).
- Кармин А. С. Культурология. – М.: Лань, 2009. – 928 с.
- Копорская Е. С. «Семантический архетип» глаголов физического движения в его отношении к строению глагольного класса // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 112–120.
- Маленкова А. А. Система обозначений добра и зла в русском языке: структурно-смысловый анализ семантического поля: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Маленкова Аксиния Авенировна. – М., 2004. – 197 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2008.
- Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2012. – 835 с.
- Современный словарь китайского языка / под ред. Лю Шун-хуань, Динь Шэньшун. – Пекин, 2012. – 1203 с.
- Солнцев В. Н. О лингвистических мирах // Знание языка и языкознание. – М., 1989. – С. 56–71.
- Тоан Х. В. Реализация концепта положительной оценки (слова добрый, добро) в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тоан Хоанг Ван. – М., 2008. – 180 с.
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель; АСТ, 2000.

REFERENCES

- Aprasyan Yu. D. The image of a person according to the language: an attempt to describe the system // Questions of linguistics. – M.: Nauka, 1995. – № 1. – P. 37–67.
- Babenko L. G. Lexical means of denoting emotions in Russian. – Sverdlovsk: Publishing house of the Ural State University, 1989. – 184 p.
- Babenko L. G. Lexico-semantic space of the Russian verb // Russian verbal vocabulary: intersectability of paradigms / ed. by L. G. Babenko. – Ekaterinburg, 1997. – P. 30–45.
- Batueva A. A. Mythologems of good and evil in Indo-European languages: dissertation ... Cand. of Philology: 10.02.20 / Batueva Al-yona Aleksandrovna. – M., 2008. – 178 p.
- Big Academic Dictionary of the Russian Language. – SPb.: Nauka, 2006.
- Big Dictionary of Modern Chinese / ed. by Gong Xuesheng. – Peking, 2015. – 2012 p.
- Great explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents / ed. by L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS BOOK, 2008. – 576 p.
- Great explanatory dictionary of Russian nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonyms / ed. by L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS BOOK, 2008. – 864 p.
- Great Dictionary of Russian language / ed. by S. A. Kuznechov. – SPb.: Norint, 2000. – 1536 p.
- Gagarina N. N. Composites with the initial good and evil in The Fairy Tale M. E. Saltykov-Shchedrin: Comparative Characteristics [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: www.relga.ru/Enviro/Objects/tguwww.woa/wa/Main?textid=2063&level1=main&level2=articles (date of access: 11.10.2017).
- Karmin A. S. Culturology. – M.: Lan', 2009. – 928 p.
- Koporskaya E. S. "Semantic archetype" of physical movement verbs in its relation to the structure of the verb class // Vocabulary. Grammar. Text. – M.: IRYa RAS, 1996. – P. 112–120.
- Malenkova A. A. The system of notation of good and evil in the Russian language: the structural-semantic analysis of the semantic field: dissertation ... Cand. of Philology: 10.02.01 / Malenkova Aksinia Avenirovna. – M., 2004. – 197 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. – M.: ITI Technologies, 2008.
- Thesaurus of the adjectives of the Russian language / ed. by L. G. Babenko. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural State University, 2012. – 835 p.
- Modern Chinese Dictionary / ed. by Liu Shunhian, Dinh Shenshun. – Peking, 2012. – 1203 p.
- Solntsev V. N. About linguistic worlds // Knowledge of language and linguistics. – M., 1989. – P. 56–71.
- Toan H. V. The implementation of the concept of a positive assessment (the words of kind, good) in Russian: dissertation ... Cand. of Philology: 10.02.01 / Toan Hoang Wang. – M., 2008. – 180 p.
- Explanatory dictionary of the Russian language / ed. by D. N. Ushakov. – M.: Astrel; AST, 2000.

Уфимцева А. А. Лексика как фактор формирования языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 122–136.

Эпштейн М. Н. Добро и зло в зеркале русского языка // Конти- нент. – 2007. – № 132. – С. 369–382.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages. – 2nd ed. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Ufimtseva A. A. Vocabulary as a factor in the formation of the linguistic picture of the world // The role of the human factor in the language: language and picture of the world. – M., 1988. – P. 122–136.

Epstein M. N. Good and evil in the mirror of the Russian language // Continent. – 2007. – № 132. – P. 369–382.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages. – 2nd ed. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Данные об авторах

Бабенко Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: lgbabenko@yandex.ru.

Цуй Янь – аспирант, кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, младший научный сотрудник, Проблемная лаборатория компьютерной лексикографии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: cuixiaoyan1226@gmail.com.

Author's information

Babenko Lyudmila Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor, Chief of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Science; Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Cui Yan – Post-graduate Student of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Science, Junior Researcher of the Laboratory of Computational Lexicography, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).